

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 1. С. 82–117.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2023. Vol. 6, no. 1. P. 82–117.

Научная статья / Original article

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2023-6-1-82-117

ДВЕ ЛИНИИ ОТНОШЕНИЯ К ВЛАСТИ В РОССИИ: АНАЛИЗИРУЯ ПОЛЕМИКУ МЕЖДУ А. И. ГЕРЦЕНОМ И Б. Н. ЧИЧЕРИНЫМ

Сергей Львович Чижков

Институт философии Российской академии наук,
Москва, Россия, chizhkov@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-7819-5579>

 Аннотация. В статье рассматривается процесс расхождения двух основных идейных течений в русской мысли середины XIX века. Старт этому процессу на переломном этапе российской истории, этапе подготовки и начала реформ, дала полемика Б. Н. Чичерина и А. И. Герцена и последовавшие за ней общественные идейные баталии. Автор анализирует ее ход, включение в полемику новых участников, их общие мировоззренческие позиции, их аргументы. Два разных направления в общественной мысли имели разные взгляды буквально на все стороны российской жизни. Сформировались две «программы» поведения в отношении власти: радикальная и либеральная. Если либеральная строилась на необходимости сотрудничества с властью, проводящей реформы, то радикальная полагала, что все остается по-прежнему, природа са-

мой власти не меняется, поэтому давление на власть — единственный способ содействовать реформам. Анализируется логика и аргументация этих направлений, так же как и отношения участников, поскольку в этой истории много «личного» и это «личное» во многом определяло ход дискуссий. Основным материалом для анализа выступают письма, мемуары и публикации ключевых участников тех событий.

Ключевые слова: А. И. Герцен, Б. Н. Чичерин, К. Д. Кавелин, В. А. Панаев, радикализм, либерализм, реформы, право

Ссылка для цитирования: Чижков С. Л. Две линии отношения к власти в России: анализируя полемику между А. И. Герценом и Б. Н. Чичериным // *Философические письма. Русско-европейский диалог*. 2023. Т. 6, № 1. С. 82–117. doi:10.17323/2658-5413-2023-6-1-82-117.

Literature. Philosophy. Religion

THE TWO LINES OF ATTITUDE TO THE POWER IN RUSSIA:
ANALYZING THE CONTROVERSY BETWEEN A. I. HERZEN AND B. N. CHICHERIN

Sergei L. Chizhkov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, chizhkov@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-7819-5579>

Abstract. The article deals with the process of divergence of two main ideological currents in Russian thought in the middle of the 19th century. The start of this process at a turning point in Russian history, at the stage of preparation and beginning of reforms, was given by the controversy of B. N. Chicherin and A. I. Herzen and the public ideological battles that followed. The article analyzes its course, the inclusion of new participants in the controversy, their common worldview positions and their arguments. Two different trends in social thought had two different views on literally all aspects of Russian life. Two “programs” of behavior in relation to the authorities were formed: radical and liberal. If the liberal one was based on the need for cooperation with the authorities conducting reforms, then the radical one believed that everything remains the same, the nature of the government itself does not change, so pressure on the authorities is the only way to promote reforms. The logic and

argumentation of these directions are analyzed in the article, as well as the relations of the participants, since there is a lot of “personal” in this story and this “personal” largely determined the course of discussions. The main materials for analysis are letters, memoirs and publications of the main participants of those events.

Keywords: A. I. Herzen, B. N. Chicherin, K. D. Kavelin, V. A. Panaev, radicalism, liberalism, reforms, law

For citation: Chizhkov, S. L. (2023) “The two Lines of attitude to the Power in Russia: Analyzing the Controversy between A. I. Herzen and B. N. Chicherin”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 6(1), pp. 82–117. (In Russ.).
doi:10.17323/2658-5413-2023-6-1-82-117.

Внутренняя политика Николая I с ее военно-бюрократической системой управления, жесткой цензурой не только слова, но и мысли, с тотальным контролем всех сторон общественной и частной жизни сформировала в российском обществе довольно широкую и крайне неоднородную оппозицию. Эта оппозиция была, по сути, даже не реальной политической оппозицией, а скорее нравственной — глубоким внутренним несогласием с теми порядками, которые установились в стране. Подавление всегда вызывает ответную реакцию, а подавление личности ведет к обостренному чувству собственного достоинства. С николаевских времен проблема личности и ее достоинства становится ключевой темой русской литературы, да и всей русской культуры, — это с одной стороны. С другой — это несогласие должно было искать поддержку у других таких же личностей. Стали активно создаваться различные кружки, в которых формировалось то самое взаимное признание и взаимопонимание между людьми, которые были совершенно невозможны в публичной сфере внутри страны.

Создать такое публичное пространство для обмена мнениями и должна была, по мысли Герцена, «Вольная русская типография». Независимые издания Герцена и Огарева стали если и не единственным, то во всяком случае главным местом, где граждане России могли хотя и анонимно, но все же свободно высказываться. Трудно переоценить значение этих изданий для России, как и ту роль, которую сыграл Герцен в интеллектуальной жизни нашей страны.

После смерти Николая I и восшествия на престол Александра II ситуация стала меняться. Первые высказывания нового монарха о необходимости глубоких реформ обнадеживали, в то время как конкретные действия, а особенно

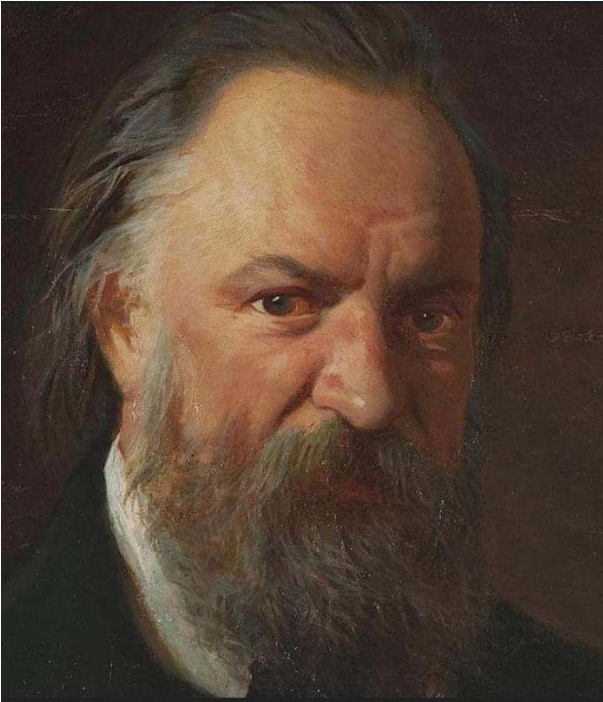
назначения, скорее обескураживали. Наметились первые признаки становления политической жизни в России, соответственно и все латентные различия в политических убеждениях, которым ранее не придавали особого значения, стали предметом политического размежевания и конфронтации, доходящей подчас до разрыва личных отношений и многолетней дружбы. Затронул этот процесс, как мы знаем, самого Герцена и его издания.

Должно ли свободное русское слово и дальше идти тем же курсом давления на власть, обличения злоупотреблений и коррупции чиновничества, интриг в высших сферах, произвола помещиков или оно может обрести новое звучание, более позитивную направленность, оказывать возможную поддержку власти, проводящей реформы, сохраняя, естественно, при этом свою независимость?

Если Александр Герцен не видел каких-то обнадеживающих изменений во власти или не хотел их видеть, то Борис Чичерин видел те, которых, возможно, и не было. Poleмика точек зрения двух выдающихся русских мыслителей развернулась на страницах «Колокола» и вызвала настоящую бурю в русской интеллектуальной жизни того времени. Но одновременно это была драма двух людей с их характерами, убеждениями, которыми никто не мог поступиться, ценностями, да и просто чувством собственного достоинства. В этом споре не было победителей, и две линии отношения к власти в России сохранялись следующие полвека, а возможно, вообще стали постоянным элементом нашей культуры.

Первые встречи

В 1844 году Борис Чичерин и его младший брат Василий приезжают в Москву для подготовки к поступлению в университет. Все это время вплоть до самого зачисления братья Чичерины жили в доме старого друга их отца Николая Филипповича Павлова на Сретенке. При выборе педагога, который должен был готовить братьев к экзаменам, Павлов настоятельно рекомендовал Грановского как лучшего профессора в университете и взялся переговорить с ним. Грановский отказал, поскольку этим не занимался, никогда и никого не готовил, но в свою очередь порекомендовал кого-то из своих коллег. Тогда Николай Васильевич Чичерин приехал из своего имения и решил сам поговорить с Грановским. Состоялся содержательный и дружелюбный разговор, и Борис с братом стали единственными студентами, которых к поступлению в университет готовил Грановский. Борис стал лучшим и при поступлении, и на выпуске в 1848 году. Одно интересное обстоятельство, пожалуй, стоит отметить. Отец хотел, зная склонность братьев к изучению языков, чтобы они

Н. Н. Ге. Портрет Александра Ивановича Герцена (фрагмент). 1867. ГТГ

учились на филологическом факультете, но Грановский рекомендовал именно юридический не только потому, что там были более сильные преподаватели, но также понимая способности и наклонности самого Бориса. Эта рекомендация предопределила всю дальнейшую судьбу Чичерина.

Впервые Чичерин увидел Герцена в доме у Павловых в середине 1840-х годов, когда был уже студентом Московского университета. Братья стремились освоиться в московской жизни и старались не пропускать знаменитые «павловские четверги». Именно по четвергам в доме Павловых собиралось московское литературное общество и

велись беседы по самому широкому кругу вопросов, в том числе обсуждались и философские темы. Поскольку Павлов был в приятельских отношениях как с западниками, так и со славянофилами, в его доме собирался весь литературный мир Москвы¹.

Герцен произвел тогда на молодого Бориса Чичерина сильное впечатление своей эрудицией, живостью ума, смелостью суждений. Еще до поступления в университет отец давал ему читать статьи Герцена и они их вместе разбирали. Понятно, что сам Чичерин на этих «четвергах» был только внимательным наблюдателем и в дискуссиях участия не принимал; соответственно, ни о каком содержательном общении у него с Герценом речи быть не могло. В 1847 году Герцен покинул Россию, а их личная встреча состоялась только в 1858 году.

В середине 1850-х годов Герцен публикует в «Голосах из России» три статьи Чичерина «О крепостном состоянии», «Об аристократии, в особенности русской» и «Современные задачи русской жизни». О последней статье надо сказать отдельно. Она была подготовлена в 1855 году сразу после кончины Николая I, но еще при жизни Грановского. В ней содержалась не только кри-

¹ «По четвергам у них собиралось все многочисленное литературное общество столицы. Здесь до глубокой ночи происходили оживленные споры: Редкин с Шевыревым, Кавелин с Аксаковым, Герцен и Крюков с Хомяковым. Здесь появлялись Киреевские и молодой еще тогда Юрий Самарин. Постоянным гостем был Чаадаев, с его голою, как рука, головою, с его неукоризненно светскими манерами, с его образованным и оригинальным умом и вечною позою. Это было самое блестящее литературное время Москвы» [Чичерин, 2010, с. 134].

тическая оценка николаевской эпохи, но также был предъявлен целый список того, что новая власть и новый монарх должны осуществить. Это был список либеральный и достаточно радикальный по содержанию. По существу это были требования, предъявляемые к власти: отмена крепостного права, свобода совести и равные права для всех религий, свобода общественного мнения, свобода печати и издательского дела, свобода преподавания, независимое от мнения правительства развитие науки, публичность и гласность правительственных действий, их открытость для народа, судебная реформа на основе публичности, гласности и состязательности судопроизводства. Но было еще одно требование, которое по просьбе Кавелина пришлось изъять из статьи, — требование конституции и представительного правления. Грановский тоже был против упоминания конституции.

Эти радикальные по тем временам требования отнюдь не предполагали радикальных методов их осуществления. Чичерин всегда считал, что власть, понимая масштабность задач, просто не может обойтись без серьезной опоры на общество, на его нравственную и интеллектуальную мощь. Он считал, что такой дилеммы и такого выбора, как «реформы сверху или реформы снизу», для России не существует. Реформы могут быть в России только сверху и только при самом активном участии общества. В идее «реформ снизу» Чичерин всегда видел потенциал для национальной катастрофы. В этом во многом заключается политический и нравственный урок, который он усвоил за десять лет дружбы с Грановским.

Чичерин справедливо полагал, что чем величественнее и сложнее задачи, тем более разумными и взвешенными должны быть средства. Только спокойная и хорошо продуманная позиция образованных слоев русского общества при максимально возможном сотрудничестве с реальной властью могут привести к реализации данных целей.

Радикализм Герцена, и особенно его риторика о социалистическом будущем России, о желательности революционных преобразований, вызывал негодование в либеральных кругах русского общества. Если бы не преждевременная смерть Грановского, то, вероятнее всего, размежевание двух лагерей — лагеря либералов и революционно-демократического лагеря — было бы представлено Грановским и Герценом. Грановский очень хотел начать полемику с Герценом в его же собственном издании². Он не только был противни-

² «Грановский не последовал за радикальными увлечениями Герцена, а, напротив, приходил в негодование от взглядов, выраженных в “Письмах с того берега” или в “Полярной звезде”. “У меня чешутся руки, чтобы отвечать ему в его собственном издании”, — писал он» [Чичерин, 2010, с. 164].

ком различных форм радикализма, но также считал, что социалистические планы переустройства человечества, предлагаемые Герценом, совершенно несостоятельны, что социальные болезни, о которых говорили социалисты, могут быть вылечены только по мере реализации либеральных целей и ценностей. Грановский и Герцен представляли собой не только два разных политических лагеря, но и два разных видения исторического процесса, наконец, два противоположных типа темперамента. У Чичерина есть интересное сравнение их реакции на июньские события 1848 года во Франции и последующее установление Второй республики:

Герцен, разочарованный во всех своих ожиданиях, увидев несостоятельность той демократии, которой он отдал всю свою душу, кидался в еще большую крайность, громил умеренно республиканское правление, водворившееся после июньских дней, и проповедовал самые анархические начала, Грановский, как истинный историк, воспользовался развертывающейся перед его глазами картиною, чтобы окончательно выработать в себе трезвый и правильный взгляд на политическое развитие народов, взгляд равно далекий и от радикальной нетерпимости и от реакционных стремлений, проникнутый глубоким сочувствием к свободе, но понимающий необходимые условия для осуществления ее в человеческих обществах.

[Чичерин, 2010, с. 189]

Уже после кончины Грановского этот взгляд на исторические и политические процессы продолжили отстаивать Чичерин и Кавелин. В своем совместном «Письме к издателю»³ [Кавелин, Чичерин, 1856] они критикуют социалистическую утопию Герцена, его надежды на революционный порыв и на исключительную роль сельской общины в грядущем мироустройстве. Однако, как считает Чичерин, в сельскую общину Герцен по-настоящему никогда не верил, а только пускал пыль в глаза своим европейским друзьям⁴.

Было еще одно обстоятельство, которое следует принять во внимание, анализируя лондонскую встречу Чичерина и Герцена. Герцен еще до своего отъезда из России прилюдно оскорбил его учителя и старшего друга Грановского, высказавшись в том смысле, что только отсталый человек может верить в Бога. Более того, Герцен вместо извинений только усугубил ситуацию, утверждая, что якобы это студенты Грановского попросили Герцена поговорить

³ Это так называемое «первое» «Письмо к издателю».

⁴ «Но сам он ей не верил и в откровенные минуты признавался, что кидает пыль в глаза своим европейским друзьям» [Чичерин, 2010, с. 391].

на эту тему со своим любимым учителем. Все это сильно задело Грановского, человека глубоко и искренне верующего, и он полностью разорвал отношения с Герценом. Чичерин, безусловно, об этих обстоятельствах разрыва знал, и это тоже выступило определенным фоном его встречи с Герценом.

Лондонская встреча и размежевание

Личная встреча Чичерина и Герцена состоялась в середине сентября 1858 года в Лондоне, в доме у Герцена. Герцен как раз перед рождением дочери

В. О. Шервуд. Портрет Бориса Николаевича Чичерина (фрагмент). 1869.
Дом-музей Г. В. Чичерина. Тамбов

нанял более просторный дом. Об этом счастливая мать новорожденной, Наталья Алексеевна Огарева-Тучкова, пишет в своих мемуарах. Она также излагает свою версию встречи, хотя личного участия в ней не принимала, находясь под присмотром лечащего врача после сложных родов. Она хорошо запомнила оценку этих дискуссий и личности Чичерина, которую давали Герцен и Огарев по ходу этой встречи, и ее воспоминания заметно расходятся с теми, что оставил Герцен в «Былом и думах». Но главное, только из ее мемуаров мы узнаём, что это была не какая-то разовая встреча — дискуссии продолжались более недели.

Какую цель преследовал Чичерин, отправляясь на встречу с Герценом? Сам он через двадцать лет в «Воспоминаниях» так ее определяет:

Мне хотелось основательно с ним переговорить о современном положении и посмотреть, нельзя ли направить его в смысле полезном для России. Его «Колокол» имел тогда громадное значение. Это была первая свободная русская газета, не стесненная никакою цензурою... С подобным орудием в руках можно было достигнуть того, что было совершенно недоступно подцензурной русской печати. Можно было действовать на недоумевающее правительство, сдерживать его и направлять на правильную стезю. Но именно в этом отношении

«Колокол» был более чем слаб. Он скорее мог сбить с толку и правительство и общество, нежели указать какой-либо определенный путь. В нем выражался весь Герцен, огненный, порывистый, нетерпеливый, раздражительный, полный блеска и ума, но кидающийся в крайность и не умеющий оценить существующие условия жизни.

[Чичерин, 2010, с. 389–390]

Чичерин в своих «Воспоминаниях» об их многодневных беседах с Герценом пишет хотя и критически, но вполне доброжелательно:

Часто и всегда с большим удовольствием ездил я в Putney, где он тогда жил; но поболтавши с ним полдня, наслушавшись остроумных и занимательных речей, я возвращался опечаленный, ибо не видел в этом никакого добра для России. Весь этот крупный талант погибал в бесплодном бесновании... Никакая проповедь умеренности не могла на него подействовать: это было слишком противно его природе. Мы расстались, однако, друзьями. При прощании он пошел проводить меня на железную дорогу, которая была недалеко от его дома, и уговаривал меня писать в «Колоколе», а он будет отвечать.

[Там же, с. 391–392]

Ничто не предвещало бури. Чичерин выполнил какое-то поручение Герцена во Франции и послал ему довольно дружелюбное письмо. Герцен его поблагодарил и на этом все завершилось. Если и были какие-то трудности в их лондонском общении, то все они остались позади. Сам для себя Чичерин решил, что Герцена не переубедить и не переделать, не навредив ему, что это черта его натуры, его темперамента, и на этом успокоился. Но в последовавшей переписке Герцен сообщает Чичерину, что получает критические замечания по поводу политики «Колокола» и что он готовит ответ.

Действительно, письма такие были, и два из них Герцен помещает в листах 23–24 в сентябре 1858 года. В них его упрекают в том, что он «примирился» с властью, что «меч вложил в ножны», что взял на себя функции цензора и не все точки зрения и не все материалы публикует, тогда как они не его собственность, а являются достоянием России. Как мы видим, критика Герцена велась и с более радикальных позиций. Вот характерное высказывание в одном из писем, фраза о высшем чиновничестве и задачах «Колокола»: «Продолжайте доброе и благородное для блага России дело. Бейте нещадно всех этих государственных фигляров, злодеев, вампиров, сосущих кровь и поедающих плоть народа русского. На казнь их, на лобное место, всех, одного за другим, наружу все

их злодейства и подлости. Долой с них маску! Покажите эти пугала на посмешище и омерзение народу» [Опоздавшие письма ... , 1858, с. 190].

Свой ответ на критику Герцен публикует в статье «Нас упрекают» в листе 27 от 1 ноября 1858 года. Но это не ответ радикалам и не ответ славянофилам или западникам. Это ответ неким прямолинейным доктринерам, которые обвиняют «Колокол» в легкомыслии и шаткости. Этим доктринерам, говорит Герцен, и адресована статья. Но где эти доктринеры, обвиняющие Герцена? Их писем нет ни в одном выпуске «Колокола». Совершенно очевидно, что статья «Нас упрекают» явилась ответом только на критику «доктринера» Чичерина, которую тот себе позволил в адрес Герцена во время их встреч и в довольно дружественной переписке. Именно его критику и его позицию, не называя при этом Чичерина, он отказывается признавать и обрушивается с ответной критикой:

Доктринеры на французский манер и гелертеры на немецкий (...) доживают до старости лет не сбиваясь с дороги и не сделав ни орфографических, ни иных ошибок; а люди, брошенные в борьбу, исходят страстной верой и страстным сомнением, истощаются гневом и негодованием, перегорают быстро, падают в крайность, увлекаются и мрут на полдороге—много раз споткнувшись.

Не имея ни исключительной системы, ни духа партии — всё отталкивающего, — мы имеем незыблемые основы, страстные сочувствия, проводившие нас — от ребячества до седых волос, в них у нас нет *легкомыслия*, нет *колебания*, нет *уступок*! Остальное нам кажется второстепенным; средства осуществления бесконечно различны, которое изберется... в этом поэтический каприз истории, — мешать ему неучтиво.

[И-р, 1858, л. 27, с. 220]

А завершает Герцен статью словами: «Доктринеры счастливы, они не увлекаются и... *не увлекают других*» [Там же].

Упрек Чичерину в доктринерстве будет часто повторяться и самим Герценом, и его сторонниками. Ниже мы увидим, что под доктриной Герцен понимал вообще любую политическую или правовую теорию. Доктринер, следовательно, это тот, кто признает необходимость политической или правовой теории для политического действия. Герцен искренне верил, что у истории нет ни маршрута, ни даже направленности, что она стучится сразу в тысячи ворот, поэтому опираться в своих поступках на идею о смысле исторического процесса, то есть на какую-то доктрину, и глупо, и вредно. Сама свобода возможна, только если история непредсказуема.

Понятно, что Герцена что-то сильно задело во время их встречи с Чичериным и в дальнейшей переписке и долго не отпускало. Свою версию этой встречи с наслоившимися с годами новыми обидами Герцен опишет в «Былом и думах».

Осенью 1857⁵ года приехал в Лондон Чичерин. Мы его ждали с нетерпением: некогда один из любимых учеников Грановского, друг Корша и Кетчера, он для нас представлял близкого человека. Слышали мы о его жесткости, о консерваторских веллеитетах, о безмерном самолюбии и доктринаризме, но он еще был молод... Много угловатого обтачивается течением времени.

— Я долго думал, ехать мне к вам или нет. К вам теперь так много ездит русских, что, право, надобно иметь больше храбрости не быть у вас, чем быть... Я же, как вы знаете, вполне уважая вас, далеко не во всем согласен с вами.

Вот с чего начал Чичерин.

[Он] подходил не просто, не юно, у него были камни за пазухой... Свет его глаз был холоден, в тембре голоса был вызов и страшная, отталкивающая самоуверенность. С первых слов я почувствовал, что это не противник, а враг, но подавил физиологический сторожевой окрик — и мы разговорились.

[Герцен, 1956, с. 248]

Далее в своих воспоминаниях Герцен пишет, что Чичерин принял статью «Нас упрекают» на свой счет и прислал письмо, наделавшее много шума, что «Чичерин кампанию потерял — в этом для меня нет сомнения. Взрыв негодования, вызванный его письмом, напечатанным в “Колоколе”, был общим в молодом обществе, в литературных кругах. Я получил десятки статей и писем; одно было напечатано... Сухо-оскорбительный, дерзко-гладкий тон возмутил, может, больше содержания и меня и публику одинаким образом» [Там же, с. 249].

Книга «Былое и думы» впервые вышла в 1868 году. Очень вероятно, что этот фрагмент воспоминаний написан Герценом много позже, а не сразу под впечатлением развернувшейся полемики после письма Чичерина в «Колокол». Многие поддержали Герцена, но многие поддержали и Чичерина. Утверждение Герцена, что его поддержали все, и особенно молодежь, а Чичерина только Елена Павловна, III отделение и пара министров, совершенно не соответствует действительности. Поддержка Чичерина была значительной, и она нарастала, хотя, конечно, в начале письмо вызвало шок. Утверждение, что Чичерин «кам-

⁵ Герцен ошибается, встреча состоялась в сентябре 1858 года.

панию потерял», тоже довольно спорное. Письмо Кавелина, осуждающее Чичерина, И. К. Бабст поддержал первым в самом начале 1859 года, но уже в августе он сообщает Герцену, что все поголовно ругают «Колокол» и в целом соглашались с Чичериным. Позднее Бабст и вовсе отозвал свою подпись. А в 1862 году уже сам Герцен сокрушался, что повторную публикацию «Письма к издателю “Колокола”» приветствовали бывшие сторонники «Колокола», более того, надавили для этого на издателя Солдатенкова, чтобы тот разрешил печать материала, ранее уже опубликованного в другом издании.

Мы выше писали, что в мемуарах Н. А. Огаревой-Тучковой картина встречи Чичерина и Герцена представлена не в таких мрачных тонах. Вот что она пишет:

Осенью 1857⁶ года старший сын Чичерина⁷— юноша, на которого многие возлагали такие горячие надежды, окончив курс в Московском университете блестящим образом, вздумал навестить в Лондоне приятеля своего отца. Я была не здорова, не выходила из комнаты и потому ни разу не видала его, но слышала о нем отзывы Герцена и Огарева. Сначала Чичерин им очень понравился большим развитием, познаниями, блестящим умом, но вскоре они разочаровались в нем и поняли, что очень расходятся с ним во всех серьезных вопросах: он был бюрократ и доктринер. Чичерин провел более недели в постоянных спорах с Огаревым и Герценом. Герцен и Огарев, хотя очень далекие от славянофильства, находили, что Россия должна идти новыми, своими путями; они смотрели на свое отечество с любовью и упованием, а он не хотел или не мог понять их взглядов. Отношения их обострились в последние дни.

[Огарева-Тучкова, 1903, с. 143]

Но расстались они «беззлобно».

Можно не сомневаться, что Огарева-Тучкова действительно Чичерина не видела, поскольку пишет о нем как о «юноше», который только окончил курс в университете. Но этому «юноше» было уже тридцать лет, и он десять лет как окончил университет, более того, уже успел создать себе имя в науке и новое направление в русской историографии⁸. Свое мнение она составила на основе того, что ей говорили о дискуссиях Герцен и Огарев непосредственно

⁶ Отметим, что Огарева-Тучкова делает ту же ошибку с датой приезда Чичерина, что и Герцен, указывая на 1857 год. Понятно, что она брала какую-то информацию из «Былого и дум».

⁷ Имеется в виду Николай Васильевич Чичерин.

⁸ По мнению П. Н. Милюкова, именно работы Чичерина внесли основной вклад в формирование юридической школы русской историографии, опрометчиво переименованной в советской науке в «государственную школу» [Милюков, 1886, с. 80–92].

по ходу этих встреч. По-видимому, общение в действительности проходило в более дружественной обстановке, чем описал Герцен. Важно также и то, что Огарева-Тучкова, похоже, раскрыла в мемуарах ключевую тему споров — это проблема особого пути России.

Что бы ни утверждал Герцен, будто в статье «Нас упрекают» он не имел в виду Чичерина, а отвечал на разные упреки в адрес «Колокола», и что Чичерин по ошибке счел ее направленной против себя, поверить этому трудно. Обстоятельства ее написания и вся последующая полемика доказывают, что адресатом этой статьи был именно Чичерин. Практически все, что было сказано в статье «Нас упрекают», будет в развернутом и более жестком виде присутствовать в дальнейших обвинениях, предъявленных Герценом Чичерину.

Еще одним доказательством того, что статья Герцена была началом публичной полемики с Чичериным, является содержание неотправленного им Чичерину письма, которое начинается с обращения “My learned friend!”⁹ [Герцен, 1956, с. 250–253]. У письма нет даты, точно сказать, когда оно написано, мы не можем. Но Герцен пишет, что оно не было отправлено Чичерину, потому что последний прислал свой «прокурорский обвинительный акт». Мы можем заключить, что оно было написано примерно в то же время, что и статья «Нас обвиняют», поскольку 15 ноября Герцен пишет Чичерину: «Статейка ваша будет опубликована 1 декабря» [Герцен, 1962, с. 222]. Но еще более вероятно, что письмо было написано до статьи «Нас обвиняют» и не отправлено.

Это неотправленное письмо на самом деле неплохое: оно довольно содержательное и в целом корректное, в отличие от «Нас упрекают». В нем Герцен обосновывает, почему он не приемлет доктрин и вообще общих теорий. Приведем некоторые фрагменты из этого интересного письма.

Спорить с вами мне невозможно. Вы знаете много, знаете хорошо, все в вашей голове свежо и ново, а главное, вы уверены *в том, что* знаете, и потому покойны; вы с твердостью ждете рационального развития событий в подтверждение программы, раскрытой наукой. С настоящим вы не можете быть в разладе... вы примиряетесь с ним вашим пониманием, вашим объяснением. Вам досталась завидная доля священников — утешение скорбящих вечными истинами вашей науки и верой в них. Все эти выгоды вам дает доктрина, потому что доктрина исключает сомнение. Сомнение — открытый вопрос, доктрина — вопрос закрытый, решенный. Оттого всякая доктрина исключительна и неуступчива, а сомнение никогда не достигает такой резкой законченности...

⁹ Мой ученый друг! (англ.)

Доктрина видит истину под определенным углом и принимает его за единоспасающий угол...

Отношение доктрины к предмету есть религиозное отношение, т. е. отношение с точки зрения вечности...

[Герцен, 1956, с. 250–251]

Вообще-то Герцен либо не понял точку зрения Чичерина на природу и роль теоретического знания, либо намеренно лукавит. Чичерин был далек от таких упрощенных взглядов. Учения о государстве и праве и дискуссии вокруг этой проблематики в Европе в 1850-е годы, в которых Чичерин активно участвовал, дают совершенно другую картину соотношения правовой доктрины, политических институтов и социальных процессов.

Есть в письме Герцена и довольно точные замечания. Так, Герцен отметил противоречивость и сервильность гражданской религии, идеи которой Чичерин в это время разделял и от которых отказался после духовного кризиса 1865 года.

По каким-то соображениям Герцен решил объяснить с Чичериным не в частном порядке, а публично. Письмо не отправил, а опубликовал статью «Нас упрекают». Возможно, он хотел бросить перчатку вообще всему направлению, представленному Чичериным. В пользу такой трактовки говорит тот факт, что в неотправленном письме были интересные критические соображения, которые касаются только Чичерина, но которых нет в статье.

Как бы то ни было, но первый выстрел в интеллектуальной дуэли, которая превратилась в общероссийскую баталию, прозвучал именно со стороны Герцена.

Чичерин пишет, что его эта статья «взорвала». Вопрос был даже не в каких-то упреках в его адрес, а в самом иронично-надменном отношении к будущему России, мол, что будет с Россией, то и будет, к тому же, утверждал Герцен, поэтическому капризу истории мешать неучтиво.

Под впечатлением от этой статьи Герцена Чичерин подготовил свою и «высказал тут Герцену все, что давно накопело на душе» [Чичерин, 2010, с. 392].

Письмо Чичерина и его варианты

Существуют два варианта или две версии «Письма к издателю “Колокола”» Чичерина. Первая — собственно исходная версия, опубликованная в «Колоколе», лист 29, 1 декабря 1858 года. Это письмо никак не озаглавлено, а фамилия автора скрыта за буквой «Ч». Вторая версия — публикация в кни-

ге Чичерина «Несколько современных вопросов», она уже имеет заголовок «Письмо к издателю “Колокола”»¹⁰.

В Предисловии к этой книге Чичерин пишет, что публикация в «Колоколе» была первым протестом русского человека против направления, которое приобрело это издание. Чичерин объясняет, почему он в 1862 году вновь печатает это письмо: он пользуется «предоставленною литературе свободой не для того, чтобы со своей стороны поднять голос против г-на Герцена, а для того, чтобы познакомить русскую публику с тем, что было заявлено давным-давно в самом журнале господина Герцена. Свободномыслящие люди никогда не могли сочувствовать направлению, которое компрометирует самое имя свободы. В настоящее время это стало яснее, нежели прежде. За мною остается только честь начинания» [Чичерин, 1862, с. 5–6].

Сравним две версии этого письма. Книжная версия — сокращенная. В некоторых случаях Чичерин ставил многоточие в месте сокращения, в некоторых — нет. Есть сокращения вполне понятные, связанные с тем, что время сделало свое дело и какие-то суждения Чичерина уже не актуальны. Чичерин убрал также все упоминания монарха и конкретных чиновников. Убрал он и обильную критику недостатков власти и ее непоследовательности, ведь за прошедшие четыре года многое стабилизировалось. Но Чичерин сделал и более существенные сокращения. Он убрал не только все словесные «реверансы» Герцену, но также все места, где он говорил о заслугах Герцена в деле развития свободы в России. Он не только эти фрагменты убирает, но и утверждает в Предисловии, что Герцен только компрометировал имя свободы. Наконец, Чичерин убрал свои знаменитые слова, обращенные к Герцену: «Вы сила, вы власть в русском государстве», которые так любил потом произносить Катков, примеряя их на себя.

После таких сокращений письмо стало очень жестким и в чем-то даже несправедливым по отношению к Герцену, однако все идейное содержание осталось нетронутым, а с точки зрения логики изложения более сжатый текст только выиграл.

Прежде чем перейти к анализу статьи Чичерина в «Колоколе», обратимся сначала к тексту собственной статьи Герцена «Обвинительный акт», которой он предваряет публикацию письма Чичерина. Герцен перечисляет заслуги «Колокола» и «Полярной звезды» в деле развития свободного русского слова и свободной русской печати, пусть пока только за ее рубежами. Заметим попутно, что Чичерин этого в публикуемом письме не отрицает, а несколько раз

¹⁰ Далее будем цитировать письмо в основном по книжному варианту. Если слова, которые мы хотим процитировать, отсутствуют в книжном варианте, то будем цитировать письмо по варианту, опубликованному в «Колоколе».

специально подчеркивает. Герцен также пишет, что критику в адрес «Колокола» всегда печатали, но то была критика «с нашей стороны, оттого в самых несогласиях и упреках было сочувствие. Это письмо писано с совершенно противной точки зрения» [И-р, 1858, л. 29, с. 236]. Но тем самым он, во-первых, косвенно признает, что статья «Нас упрекают» была ответом именно Чичерину, раз не было критики с противной стороны. Во-вторых, что прискорбно и что лишь подтверждает упреки Чичерина, получается, что те два крайне радикальных и кровожадных «Опоздавших писем из Петербурга», опубликованных в листах 23–24, представляют все-таки именно его сторону.

Если первая статья называлась «Нас упрекают», то вторая — «Обвинительный акт», то есть «нас обвиняют», и Герцен «протестует всеми силами» против обвинений и призывает читателей в судьи. При этом он просит говорить только о деле, а не о личностях, и готов «печатать все, что качественно и количественно возможно» [Там же]. Но изобразив из себя жертву несправедливых обвинений со стороны некоего прокурора, он тем самым predetermined и характер писем в его поддержку. Естественно, люди писали о его личности, его жертвенности, его гражданском мужестве. О деле, то есть о предмете спора и о предложениях Чичерина, никто не писал. Несколько иначе обстояло дело с письмом в поддержку Чичерина, но об этом ниже.

Что же утверждает в своем письме Чичерин, в чем упрекает Герцена и каким видится ему вопрос о влиянии общества на власть и проблема сотрудничества с властью?

Чичерин начинает содержательную часть письма с констатации места и роли Герцена и завершает упреком. Чичерин подчеркивает, что положение Герцена исключительное, к его мнению прислушиваются и общество, и власть, в то время как он свободен от всех сплетен и дрызг, окружающих повседневную жизнь в России.

Вы можете взвесить каждое свое слово, спокойно и беспристрастно высказать правду всем и каждому, обличать злоупотребления, действовать на правительство, давать направление обществу, развивать зреющую политическую мысль, наконец, вы можете показать, что такое свободное русское слово. В вашем положении все, что вы говорите, имеет значение; вы сила, вы власть в русском государстве.

Как же исполняете Вы свою задачу? Какую пищу Вы нам даете? Что мы от Вас слышим?

Мы слышим от Вас не слово разума, а слово страсти.

[Ч., 1858, с. 237]

Однако для реальных дел «требуется политический смысл, политический такт, который знает меру и угадывает пору; здесь нужна не страсть, влекущая в разные стороны, а разум, познающий и созидающий» [Чичерин, 1862, с. 12].

Второй серьезный упрек Герцену можно считать все-таки довольно спорным. Чичерин пишет:

Вы к гражданским преобразованиям довольно равнодушны. Гражданственность, просвещение не представляются Вам драгоценным растением, которое надобно заботливо насаждать и терпеливо лелеять как лучший дар общественной жизни. Пусть все это унесется в роковой борьбе, пусть вместо уважения к праву и к закону водворится привычка хвататься за топор — Вы об этом мало тревожитесь. Вам во что бы ни стало нужна цель, а каким путем она достигается — безумным и кровавым или мирным и гражданским, это для Вас вопрос второстепенный.

[Там же, с. 13]

Действительно, Герцен не раз высказывался о том, что не важно, каким способом произойдет освобождение крестьян, с помощью ли реформ или с помощью «топора», главное — чтобы это освобождение произошло с землей. Подобной риторики у Герцена достаточно, но все же надо думать, что это только риторика и поза. Именно так понимал подобные высказывания Герцена Кавелин.

Крестьянский вопрос, безусловно, основной. Но он связан необходимым образом с реформой всей общественной жизни, считает Чичерин. Власть не знает, с какой стороны ко всему этому подступиться, и радикальные призывы, а уж тем более призывы к топору, действительно опасны, даже если это всего лишь попытка надавить на власть, подтолкнуть ее к более решительным действиям в нужном направлении.

Общество российское еще юно и не успело выработать «мужественных добродетелей гражданской жизни», поэтому страстная пропаганда, неуступчивость в требованиях, неразборчивость в средствах — все это может привести только к катастрофе. «У нас общество должно купить себе право на свободу разумным самообладанием» [Там же, с. 17], — пишет Чичерин. Чичерин за «реформы сверху» при самом активном участии общества. Он считает, что необходимо сотрудничество с властью, стремящейся к преобразованиям. И такое сотрудничество власти и общества, подчеркивает автор, постепенно налаживается в России: созданы губернские комитеты, которые разрабатывают свои предложения и отсылают их в Редакционные комиссии. Это взаимодействие

проходит не без конфликтов и разного рода эксцессов, но Чичерин убежден, что это не является проблемой. Проблема в отношениях общества и власти заключается в том, что нет независимого общественного мнения, способного продуктивно влиять на власть. Чичерин пишет: «Нам нужно независимое общественное мнение — это едва ли не первая наша потребность; но общественное мнение умеренное, стойкое, с серьезным взглядом на вещи, с крепким закалом политической мысли; общественное мнение, которое могло бы служить правительству и опорой в благих начинаниях, и благоразумною поддержкой при ложном направлении. Вот чего у нас недостает, вот к чему мы должны стремиться» [Там же, с. 18].

Что же делает Герцен? Прямо противоположное! «Все, что есть в России невежественного, отсталого, закоснелого в предрассудках, погрязшего в мелких интересах, — пишет Чичерин, — все это с торжеством указывает на Вас и говорит: вот последствия либерального направления, вот что производит слово, освобожденное от оков! Грустно сказать, что первый свободный русский журнал служит самым сильным доказательством в пользу цензуры, если только в пользу цензуры могут быть сильные доказательства» [Там же, с. 17].

Наконец, Чичерин довольно нелестно отзывается о том, что мы бы теперь назвали «редакционной политикой» «Колокола».

Во-первых, Герцен публикует всякие непроверенные или скандальные сведения, которые носят сиюминутный характер. Это только кажется, что от публикации скандальных новостей популярность журнала вырастет. Дело в том, что пока «Колокол» дойдет через несколько месяцев до России, то либо конфликт будет к этому времени уже улажен, либо сведения опровергнуты. Такие публикации, безусловно, не служат ни журналу, ни обществу. Куда важнее было бы систематическое, из номера в номер обсуждение действительно серьезных проблем России. «Колокол» как независимое и неподцензурное издание мог бы стать этим органом, но не стал.

Во-вторых, «литературные наклонности» Герцена слишком влияют на политику журнала: шутки, насмешки, остроумные выходки заменяют ответственное мышление, образование, с трудом добытые знания. Чичерин пишет:

У нас нет более верного средства приобрести себе всеобщую дань благодарности и удивления, как решать все государственные и философские вопросы остроумными выходками. Это избавляет читателя от работы, от умственного напряжения... Неистощимый запас остроумия — вот самое надежное ручательство за успех журнала. Только вряд ли подобное направление встретит сочувствие просвещенных людей в России. Они смотрят на дело несколько серьезнее. Им

кажется, что привычка заменять дело эффективным бездельем опасна для политического образования народа, что общество, воспитанное на остроумных выходках, становится неспособным к разумному решению тяготеющих над ним вопросов; наконец, им хотелось бы, чтобы свободное русское слово отвечало на благородную потребность политической мысли, а не на бесплодную потребность брани и остроты.

[Там же, с. 19]

Чичерин завершает свое письмо еще одним упреком: в политическом журнале должна преобладать зрелая мысль и разумное самообладание, но никак не страсти. Герцен же с его темпераментом предпочитает гнев, негодование и возмущение. «Но позвольте думать, — заключает Чичерин, — что это не служит ни к пользе России, ни к достоинству журнала и что, во всяком случае, нечего этим величаться» [Там же].

Письмо получилось жесткое. У Герцена, конечно, был выбор: опубликовать его или нет. Во втором случае письмо будет распространяться в списках и нанесет больше вреда. Но опубликовав его с предисловием, в котором он доказывает, что является невинной жертвой вздорных обвинений, он, естественно, мобилизует своих сторонников. В самом начале так и получилось, но к лету 1859 года люди наконец стали говорить о деле, оставив вопрос о личностях в прошлом, и картина резко поменялась.

Реакция на письмо Б. Н. Чичерина

Письмо Чичерина спровоцировало настоящую бурю, но не совсем ту, на которую рассчитывал Герцен. Герцена действительно поддерживали многие, но скорее по-человечески, нежели по существу. Основной лейтмотив поддержки — Герцен много сделал для России, и он не та фигура в русской истории, чтобы так о нем писать. Но что примечательно, каждый обязательно в чем-то соглашался с Чичериным.

Как и обещал, Герцен публикует в «Колоколе» в листе 32–33 две статьи. Одна — против Чичерина, причем статья сколь резкая, столь и странная; автор скрыл свою фамилию за псевдонимом Русской. Во второй статье автор выражает свою поддержку как содержанию письма Чичерина, так и самому поступку Чичерина, осмелившегося впервые публично сказать то, что люди обсуждали в частном порядке. Автор выступил под псевдонимом А. Спартанской.

По поводу автора первой крайне критической статьи все еще существует мнение, что ее написал Чернышевский. Чичерин тоже так считал [Чичерин,

2010, с. 394]. Гульбинский в своем библиографическом очерке о Чичерине тоже указывает на Чернышевского, но при этом, правда, ставит знак вопроса [Гульбинский, 1914, с. 20].

Но прежде, чем перейти к анализу содержания двух писем, опубликованных в 32–33 листах «Колокола», нам придется погрузиться в некоторые технические вопросы.

Сколько времени шла корреспонденция из Лондона до Санкт-Петербурга? Обычные неподцензурные газеты доставлялись в это время в среднем около месяца. Из Парижа в Санкт-Петербург в среднем почта шла три недели или чуть меньше. Почтовая связь между Парижем и Лондоном была хорошо налажена, и отправление доходило за 3–5 дней. Скорость доставки корреспонденции из Лондона в Германию тоже была не быстрой, а в некоторые земли она шла через Париж. Однако «с оказией» корреспонденцию можно было доставить чуть быстрее. Теперь мы можем с уверенностью сказать, что Чернышевский никак не мог быть автором письма против Чичерина. 29-й лист «Колокола» выходит 1 декабря 1858 года. Если учесть сроки доставки в Россию (пусть и с оказией), написания текста, отсылки письма в Лондон, а потом еще набора и печати тиража, то становится понятно, что физически невозможно напечатать это письмо в листах 32–33 к 1 января 1859 года. Получается, что автор письма в принципе не мог находиться в России.

Может быть, автор находился где-то в континентальной Европе? В этом случае, чтобы реализовать всю эту цепочку, месяца бы хватило. Однако Герцен поторопился с публикацией еще одного материала, поэтому возникли законные сомнения. Давайте посмотрим, в чем проблема.

Итак, 15 декабря 1858 года в листах 30–31, то есть через две недели после публикации письма Чичерина, Герцен публикует короткое письмо некоего лица из Германии, адресованное Герцену, и свое к нему предисловие¹¹. Все это помещается в разделе «Смесь». В предисловии к письму Герцен пишет, что публиковать статьи с критикой, направленной против себя, этично, а вот публиковать статьи в свою поддержку неэтично. Он бы никогда этого не сделал, но приходится, поскольку анонимный автор из Германии требует от него ее опубликовать и обосновывает это тем, что должна быть дискуссия, что другие точки зрения имеют право быть услышанными. В этом коротком письме сам автор возмущен поступком г. Ч. и от лица целой группы мыслящих людей про-

¹¹ См. [Герцен, 1858, л. 30–31]. В Собрании сочинений в тридцати томах А. И. Герцена и предисловие, и само письмо из Германии атрибутированы как принадлежащие перу Герцена на основе анализа лексики, что, скорее всего, является ошибкой и Герцену принадлежит только предисловие к письму.

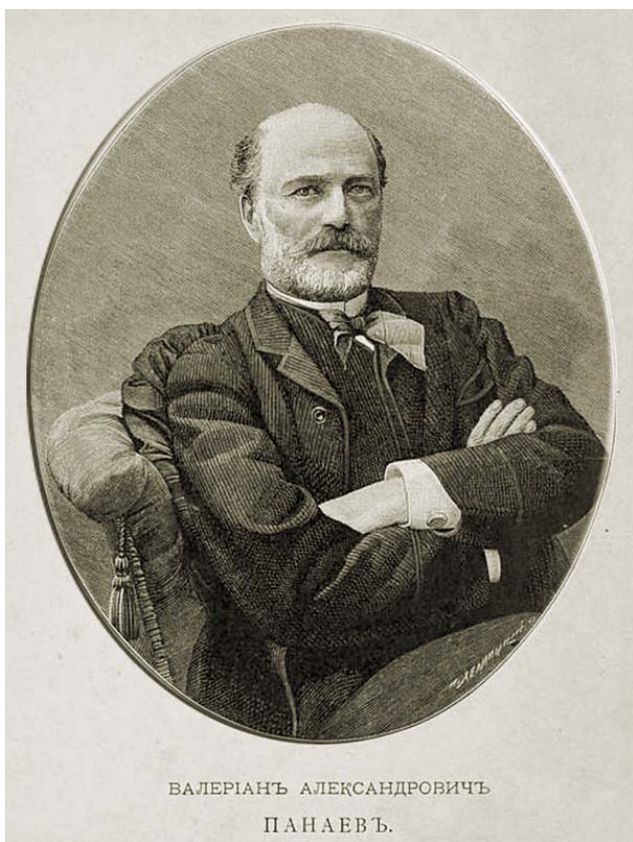
сит опубликовать большое письмо-протест, которое прилагается, что Герцен и делает, но уже в следующем листе «Колокола».

Опять возникают сомнения по поводу сроков. В две недели должна уложиться та же длинная цепочка событий плюс еще и обсуждение с группой «мыслящих людей». Двух недель явно мало. Вероятно, есть еще какое-то лицо поблизости от Герцена.

Действительно, в это время в Англии находился командированный Министерством путей сообщения инженер-путеец, тогда еще мало кому известный Валериан Александрович Панаев¹². Он был послан для изучения не только технических вопросов производства, но и вопросов администрирования железных дорог в Европе. Практически все время он проводил либо в Бельгии, либо в Англии. Осенью 1858 года он часто бывал в Лондоне и вел переговоры с Герценом об издании своего проекта освобождения крестьян. В «Голосах из России», в книжке V, Герцен опубликовал полный текст этого проекта под названием «Об освобождении крестьян». Он занял всю книжку.

В листах 32–33 за 1859 год Герцен помещает письмо-протест «Автору “Обвинительного акта” г. Ч.» [Русской, 1859]. За псевдонимом Русской стоял Панаев,

и он это позднее подтвердил в своих мемуарах. Свое письмо он начинает со следующих слов: «Я не буду входить в разбирательство справедливости или несправедливости ваших обвинительных пунктов. Допустим, что я согласен с ними. Я хочу обсудить ваш поступок; из обсуждения его, само собою, выкажется, кто прав, и кто виноват» [Там же, с. 260–261]. Панаев пишет о том, что самолюбие г. Ч. было задето словами Герцена о доктринах. «Вы написали увлеченные обидчивым самолюбием. Из вашего письма, разве только один слепой не увидит, что вас задел за живое отзыв “Колокола” о доктринах. Почему же вы прежде не вступили в подроб-

¹² Валериан Александрович Панаев (1824–1899) — инженер путеец, известный публицист и мемуарист, оставил пространные воспоминания об общественной жизни тех лет. Мемуары эти в течение нескольких лет по частям публиковались в журнале «Русская старина».

ные объяснения?.. видно камушек попал в огород» [Там же, с. 261]. Прозвучали знакомые слова про сердце, про страсть, про то, что «мысль без сердца — гроб». Оказывается, что люди сердца до поры до времени сдерживают его порывы, чтобы вооружиться, «чтобы наверное разить вас, вас холодных доктринеров, вас воспитанников фальшивой науки, вас, которые царствуют и мертвят все, вас, которых надо спихнуть» [Там же]. По тексту письма видно, что Герцен намекнул Панаеву, что г. Ч. положительно оценивает деятельность Франсуа Гизо, поэтому в тексте письма мы встречаем странное обвинение, что якобы г. Ч. сидит на одной скамье с «родными братьями, благородными представителями Франции 1848 года, которые вызвали сами резню, а потом нещадно казнили безвинных. Будьте покойны, “Колокол” не будет причиной пролития хотя единой капли крови. Это вы! вы! единственно вы можете быть причиной» [Там же].

В конце очень длинного письма Панаев вновь заводит разговор о необходимости «вооружаться»: «А мы, мы будем по прежнему сосредоточиваться, чтоб вооружать новые начала оружием, подобным вашему оружию, за тем, чтобы явиться и победить ваше царство, и победить не в одной России, но и там, где оно берет свое начало» [Там же, с. 264]. Нам остается только гадать, что Панаев имеет в виду, говоря о некоем «начале». Науку? Европу? Или сам Разум? Похоже, что все сразу.

Заканчивает письмо Панаев и вовсе странно. Не могу не привести это место целиком:

К вам молодые люди, к вам сидящим еще на скамейках и в аудиториях обращаюсь я теперь. Вам выпадает на долю великое, не бывалое дело. Вы будете призваны спасти Мир и осуществить истинное царство христово. Начните с того, что, изучая науки общественного устройства, по преимуществу касающиеся экономических отношений и естественных прав человека — не верьте им, как бы они, по-видимому, ни удовлетворяли; изучайте их глубоко, для того, чтоб убедиться, что в них забыто сердце; изучайте для того, чтоб предать их проклятию; изучайте для того, чтоб разрушить их и создать новое здание.

[Там же]

Во всем письме присутствует какая-то истеричность. Похоже, однако, что Герцен действительно нашел единомышленника по вопросу о назначении научного знания.

Вообще В. А. Панаев был человеком разносторонним, немного экстравагантным и при этом очень заикленным на русском вопросе и на особом

В центре фотографии — Дом Панаева (Панаевский театр и доходный дом) в неорусском стиле, слева — здание Адмиралтейства, в левом нижнем углу — невзрачное здание Зимнего дворца с башенкой оптического телеграфа на крыше

русском пути, по которому позднее пойдет весь мир. Он подписывал свои материалы псевдонимом Русской, считал, что только русская община спасет человечество. Он даже призывает молодежь умереть за общину, за равное владение крестьян землей¹³.

Пожалуй, стоит о Панаеве сказать еще несколько слов. Все свои произведения этого периода он отправлял лично Александру II. Главный свой труд, «Об освобождении крестьян», Панаев снабдил сопровождающим письмом якобы от человека, которому на глаза попалась эта замечательная работа, и этот человек хочет обратить на нее внимание царя. Письмо удивительно высокопарное и весьма фамильярное: его автор обращается к царю исключительно на «ты» и делает это с высоты некоего морального авторитета.

По возвращении в Россию Панаев строил железные дороги. Судя по всему, он был хорошим инженером, но в 1866 году его назначают на весьма специфическую должность, на которой он отвечал как инженер и подрядчик за взаи-

¹³ «Умрите, если будет нужно, — умрите как мученики, — умрите за сущность, как умирали первые христиане за форму, — умрите за сохранение равного права каждого крестьянина на землю — умрите за общинное начало!» [Русской, 1859, с. 264].

модействие подрядчиков и правительства при строительстве железных дорог. В 1868 году он выходит в отставку и через некоторое время покупает себе невероятно дорогой участок земли в самом престижном месте Санкт-Петербурга — на Адмиралтейской набережной. Панаев построил доходный дом с театром в неорусском стиле, который очень странно смотрелся в Санкт-Петербурге на главной набережной города. Однако при завершении строительства Панаев разорился, что естественно. Ведь у него не было постоянного дохода от какого-то дела, а однажды удачно «заработанные» на посредничестве крупные чиновничьи деньги — это не постоянный доход.

После разорения он начал писать мемуары, и из них стало понятно, кто же написал письмо против Чичерина: «В то же время, в № 29 “Колокола”, — пишет Панаев о своем пребывании в Лондоне, — появился “Обвинительный акт”¹⁴ на Герцена, подписанный буквою Ч, вызванный отзывом Герцена о доктринерах, напечатанным в одном из предшествующих номеров “Колокола”, а именно в № 27» [Панаев, 1902, с. 322]. От кого он мог об этом знать, как не от самого Герцена?

«Обвинительный акт был написан очень умно, во многом был справедлив, но был написан тоном издевательства над деятельностью Герцена. Находя, что автор “Обвинительного акта” не понимал роли и значения изданий Герцена, я написал возражение и послал для печати в Лондон» [Панаев, 1902, с. 322]. Вообще-то, Чичерин очень хорошо понимал роль и значение изданий Герцена. Он сам об этом писал в письме, как мы видели, однако совершенно не разделял позицию Герцена.

Исследователи истории «Колокола» до определенного времени не обращали внимания на эти мемуары и продолжали считать, что письмо принадлежит Чернышевскому. В научный оборот подлинная история с авторством, вероятнее всего, была введена в 1941 году М. М. Клевенским в «Литературном наследстве» [Клевенский, 1941]. К моменту публикации автор уже скончался, да и время было совсем не то, чтобы углубляться в научную проблематику.

Переходя к анализу второй статьи, статьи в поддержку позиции Чичерина, надо сказать, что ее автор не установлен. Мы постараемся ниже обосновать

¹⁴ Путаница с тем, что называть обвинительным актом, в нашей литературе продолжается. «Обвинительный акт» — это название статьи Герцена, предваряющей письмо Чичерина, а само письмо названия не имеет, но в любом случае его никак нельзя именовать «Обвинительный акт». Панаев употребляет это выражение и в кавычках, что неправильно, и без, что не точно. В мемуарах такое может иметь место, однако в научных публикациях использовать «Обвинительный акт» как в кавычках, так и без, недопустимо. К сожалению, в нашей литературе отчасти с подачи комментариев в Собрании сочинений Герцена письмо Чичерина всё еще именуют «Обвинительным актом».

вать наше предположение, что это Дмитрий Иванович Каченовский¹⁵. Вторая статья озаглавлена «Письмо в защиту г. Ч.», псевдоним автора — А. Спартанской.

Спартанской пишет в письме, что его целью является «попытка склонить вас, — при этом автор обращается к Герцену, — к большей доверчивости к тем, которые будут писать вам с точки зрения, как вы называете, “административного прогресса и гвернементального доктринаризма”. Не принимайте ее, если вам это не нравится, казните ее острием вашей иронии, но не отказывайте доступа в вашу типографию органам этого направления, когда они будут иметь нужду в вашем журнале» [Спартанской, 1859, с. 264]. Автор, обращаясь к Герцену, также сообщает: «...вы представить себе не можете с каким удовольствием письмо г. Ч. было прочитано целой колонией Русских в городе, из которого я к вам пишу» [Там же].

Автор поднимает в письме довольно щекотливую тему: насколько сам Герцен понимает, что происходит в России, не находится ли он в плену тех представлений, которые у него сформировались еще до эмиграции и в другой России. Герцен продолжает, считает автор, смотреть на Россию старыми глазами, признает правильными и публикует только те материалы, которые соответствуют его представлениям.

Но кто в России теперь соответствует этим представлениям?

Автор подчеркивает, что в России теперь пошла пора либералов вроде Репетилова с их бесплодной оппозицией, пустыми осуждающими все и вся разговорами. От всего этого «истинно образованные члены русского общества начинают отказываться, губительный пример крайних убеждений послужил уроком, по крайней мере, этому меньшинству, и оно знает, чего хочет» [Там же, с. 265].

Чего же хочет, по мнению автора, это меньшинство?

Оно хочет постепенного и систематического превращения известных административных и общественных форм в другие, более свойственные настоящим потребностям России, оно хочет восстановить равновесие в гражданских правах, как личных, так и общественных, не только сословия крестьян, но и всех прочих; оно хочет (и это самое пламенное его желание) чтобы значение и

¹⁵ Дмитрий Иванович Каченовский (1827–1872) — крупный российский юрист, специалист по истории и теории международного права, профессор Харьковского университета. В Москве защищал докторскую диссертацию и имел широкие связи в кругах западников. Пребывая с 1858 по 1860 год Европе, преимущественно в Париже, изучал помимо права также политическую теорию и политическую жизнь Европы.

святость закона проникло бы в пределы Зимнего Дворца и озарило бы светом вечной правды обязанности царя, права подданных, безнравственность царедворцев, существенные интересы народа.

[Там же]

Это, безусловно, не только и не столько письмо в поддержку Чичерина, сколько обоснование и дополнение той позиции, которой придерживаются люди, разделяющие взгляды Чичерина. Надо признать, что в письме Чичерина этого явно не хватало, он слишком много уделил внимания «программе» Герцена и ее недостаткам, в том числе связанным с особенностями его темперамента. В этом письме мы видим более осмысленную «программу» — преобразование русского общества посредством права, всего общества, включая в первую очередь институты власти. У Чичерина все это было слишком расплывчато и сводилось к вопросу о сотрудничестве с властью.

Кто же автор этого взвешенного и вполне разумного письма? Как мы сказали выше, есть основания предполагать, что это Каченовский. Попробуем изложить аргументы, понимая, что поскольку нет первичного документа, который можно надежно атрибутировать, или заслуживающих доверия мемуаров, то все эти аргументы останутся на уровне правдоподобной гипотезы. И все же.

Начнем снова с фактора времени. Каченовский находился в Париже, следовательно, имел физическую возможность уложиться в отведенное время.

Каченовский был единственным человеком, кто заранее знал о письме, которое подготовил Чичерин. «Гуляя с Каченовским по парижским бульварам, мы зашли в какую-то кофейную, и я прочел ему свое письмо. Он вполне его одобрил: «Вы ничего лучшего не писали, — сказал он мне. — Посылайте непременно» [Чичерин, 2010, с. 393]. Этот фактор крайне важен: он знал содержание, принял его и имел возможность все обдумать, ведь Чичерин прочитал ему текст письма за две недели до того, как оно было опубликовано. В отличие от Каченовского остальные возможные сторонники Чичерина какое-то время приходили в себя, собирались с мыслями и оглядывались на реакцию других.

Каченовский был одной из заметных фигур в русской колонии в Париже с широкими связями, издавал там свои произведения на французском, был вхож в научные и политические круги Франции. Кстати, именно он знакомил Чичерина с французскими политиками и учеными. Чичерин вспоминал, что Каченовский водил его по разным собраниям и научным встречам, а он «как молодой скиф, который, приехав в Грецию, своими глазами увидел тех людей, чьи произведения приводили его в восторг» [Там же, с. 410].

Каченовский — сильный юрист, а проблематика правовой трансформации России, как и проблемы кодификации международного права, — это его темы.

Еще один важный аргумент. Никто не знал автора первого письма, опубликованного в «Голосах из России» за подписью Русский либерал, даже Герцен не знал. Это был ключевой элемент безопасности авторов. Из текста письма в поддержку г. Ч. следует, что его автор знал, что в «Голосах из России» уже как-то печаталось похожее письмо с похожими претензиями к Герцену. Автор обращает внимание именно на это письмо, тогда как «писем к издателю» вообще-то было много. Естественно, что Чичерин мог рассказать, да, наверное, и рассказал, что новое письмо идет вслед первому, продолжает его основную тему.

И наконец, совсем слабый и даже странный, но небесмысленный аргумент. Все участники тех событий оставили свои развернутые воспоминания. Где-нибудь и как-нибудь информация об авторстве просочилась бы, как в случае с Панаевым, у которого всего-то полтора абзаца об этой истории. Каченовский, пожалуй, единственный, кто не оставил мемуаров. Он скончался после продолжительной болезни (чахотка) в возрасте 45 лет, а в этом возрасте, как известно, мемуаров еще не пишут.

Как бы то ни было, но сегодня других кандидатов на авторство «Письма в защиту г. Ч.» нет.

Кавелин и его реакция на письмо Чичерина

Если сравнить два письма, разобранные выше, — письмо Панаева и письмо, как мы полагаем, Каченовского — можно себе представить, в каком состоянии находились умы в России. Каченовский прекрасно понимал, что образованное и ориентированное на правовые и институциональные преобразования в России меньшинство находилось между властью, относящейся к нему подозрительно, и радикалами, которые постоянно его упрекали в работе на власть, и «Колокол» их в этом поддерживал.

Поговорим теперь о еще одном важном участнике этих событий — Кавелине. Выше мы писали, что в первом «Письме к издателю» Кавелин и Чичерин высказались против линии Герцена на радикализм и социализм. Но это был 1856 год.

Прежде чем приступить к рассмотрению письма Кавелина, надо осветить одно событие, приведшее к резкому изменению его отношения к правительству. Он и сам на это событие ссылается в письме Чичерину [Кавелин, 2010, с. 399]. В мае 1858 года Кавелина неожиданно и без всяких объяснений отстраняют от преподавания наследнику. Все уверены, что это произошло

Константин Дмитриевич Кавелин (1818–1885)

из-за статьи в «Современнике», где он изложил свою версию вопроса о выкупе земли. Против его отстранения выступили некоторые ключевые фигуры из тех, кто руководил подготовкой цесаревича. Они возражают, а некоторые даже подают в отставку. Подлинная причина раскрылась только тогда, когда заступаться за Кавелина к царю пошел сам председатель Редакционных комиссий Яков Иванович Ростовцев, который не видел ничего предосудительного в публикации Кавелина в «Современнике». Выяснилось, что причина другая: у III отделения были неопровержимые доказательства, что Кавелин

активно сотрудничает с «Колоколом» и интригует против работы комиссий и лично Ростовцева.

По воспоминаниям Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского¹⁶, который в то время состоял на службе в Редакционных комиссиях по подготовке крестьянской реформы,

в руках государя находились достоверные сведения о том, что материалы для статей Герцена, сильно осуждавших действия по крестьянскому делу и оскорбляющих личности сотрудников государя и в особенности самого Ростовцева, доставлялись в редакцию «Колокола» Кавелиным при участии Милютина. По мнению государя, невозможно было допустить, чтобы лицо, находившееся в таких сношениях с государственным преступником, занимавшимся антиправительственной пропагандой, могло быть преподавателем наследника престола.

[Цит. по: Клевенский, 1941, с. 593]

О реальных основаниях увольнения никто, кроме очень узкого круга доверенных лиц, не знал, поэтому отставка в обществе воспринималась как откоро-

¹⁶ Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский (1827–1914) — известный географ, экономист и путешественник, являлся членом-экспертом Редакционных комиссий и секретарем председателя Я. И. Ростовцева. В своих мемуарах он делится информацией об «интригах» Кавелина и Милютина против своего шефа [Семенов-Тян-Шанский, 1914, с. 631, 636].

венный произвол. Необоснованность увольнения и то, как бесцеремонно это было сделано, оскорбили Кавелина до глубины души. «Кавелин просто остервенился. Он в личных вопросах был крайне щекотлив и никогда не забывал нанесенной ему обиды. Это была темная сторона его чистого и благородного характера. С тех пор он сделался рьяным врагом правительства, порицал все, что делалось, слушал всякие сплетни и не хотел видеть величия преобразований, изменявших весь строй русской жизни» [Чичерин, 2010, с. 395]. Его радикализм и полное неприятие реформ сохранились до последних лет жизни¹⁷.

Обратимся теперь к переписке Чичерина и Кавелина, произошедшей уже после публикации письма Чичерина в «Колоколе».

Получив экземпляр 29-го листа «Колокола», Чичерин пишет 8 декабря 1858 года письмо Кавелину из Ниццы о том, что он опубликовал свое письмо в «Колоколе», но делает это скорее намеком, чем открытым текстом, поскольку понимает, что письмо может быть прочитано. Чичерин просто информирует друга, не ожидая какой-то реакции. Во всяком случае он совершенно не ожидал той, которая последовала.

Кавелин стал первым в России, кто узнал подлинное имя автора письма, узнал это от самого автора и предал его огласке. Именно он распространил письмо с осуждением Чичерина и заявлением, что отдалается от него. Письмо Кавелина формирует на некоторое время отрицательное общественное мнение к письму Чичерина, в поддержку письма Кавелина была развернута целая кампания по сбору подписей в Москве и Санкт-Петербурге. Не письма против или в поддержку г. Ч., напечатанные в «Колоколе», а именно письмо Кавелина определяло на первых порах отношение в России к Чичерину. Особую значимость его письму придавал тот факт, что Чичерина обвинял его друг и единомышленник. Перечислять тех, кто подписал, бессмысленно, тем более что все, кроме И. С. Тургенева, потом отозвали свои подписи.

В чем суть обвинений Кавелина в адрес Чичерина, в чем он согласен, а в чем нет?

Чичерин сохранил это письмо и приводит полный его текст в своих «Воспоминаниях» [Чичерин, 2010, с. 396–401].

Кавелин начинает письмо с утверждения, что он ни на минуту не сомневался в чистоте и благородстве мотивов, которыми руководствовался Чиче-

¹⁷ «После смерти Александра II, он уверял, что если на одну сторону весов положить то, что он совершил хорошего, а на другую все, что он сделал дурного, то первое окажется совершенным ничтожеством перед вторым. Он дошел даже до того, что защищал цареубийц. До такой степени этот страстный человек ослеплялся, как скоро он задет был лично» [Чичерин, 2010, с. 395].

рин, укоряя Герцена. Однако действие этого письма на Кавелина, как он пишет, было тем тяжелее и горестнее, «чем значительнее Ваше имя в нашей литературе и чем я тверже убежден в Вашей нравственной безупречности. Если бы письмо Ваше к Герцену было написано человеком мне совершенно неизвестным, я бы отвечал ему в самом “Колоколе”. К несчастью, письмо писали Вы... и у меня отваливаются руки» [Там же, 2010, с. 396].

Кавелин соглашается с Чичериным в том, что российской свободной прессе, и не только в Лондоне, надо было задуматься о том, в каком направлении идти в новых условиях, поскольку русское общество от нее получает много фраз и мало мыслей, питающих ум.

Кавелин вспоминает слова из статьи «Обвинительный акт» Герцена, предисловия к письму Чичерина и тоже сокрушается, мол, Герцен искренне не понимает, почему его так обидели. Он сконфужен, у него должно быть сердце перевернулось в груди! Почему ко всем страданиям его жизни добавляются еще такие обвинения? Неужели это все, что он заслужил?

Герцен, как мы понимаем, весьма умело изобразил из себя жертву несправедливых обвинений, а Кавелин этого явно не заметил.

Самое необычное в письме Кавелина — это то, что, соглашаясь с содержанием претензий Чичерина, он все равно настаивает на том, что «вы прибегли к аргументам ложным, к клеветам, вы непростительно искажаете истину» [Там же, с. 397].

Кавелин считает, что Чичерин прав в постановке проблемы, да и то только в общей форме, но неправ в своих обвинениях в адрес Герцена. Герцен не таков, он ни в коем случае не за революционный переворот, а только предупреждает о такой опасности. Он за гражданские реформы, но понимает, что во власти нет людей, способных их осуществить. В этом и состоит клевета на Герцена.

Еще одна важная тема письма Кавелина — вопрос о крестьянской реформе. Он иронизирует по поводу уверенности Чичерина, что все идет не без противоречий, но все же в правильном направлении. Кавелин предъявляет целый список врагов крестьянской реформы. Помимо прочих в нем значится и Ростовцев. Но именно Ростовцев, как мы знаем, добился главного, чтобы в основу реформы был положен принцип освобождения с землей.

Третья ключевая тема письма Кавелина — это вопрос о том, кому письмо Чичерина было на руку. Кавелин иронизирует: «В высших кружках все от письма Вашего в восторге. “Либеральная партия решила покончить и разорвать с партией революционной”, — вот стереотипная фраза, которою приветствуют Ваше письмо в дворцах и высших административных сферах. Этого

ли Вы хотели, Борис Николаевич? Единственный упрек, который Вам делают, есть тот — зачем Вы не представили Вашего прекрасного и благородного письма, до его напечатания, на одобрение правительства; оно бы непременно одобрило — письмо так хорошо, но испросить разрешение все-таки следовало» [Там же, с. 400].

Он завершает письмо такой фразой: «Вы можете быть правы перед своим убеждением и своею совестью, что написали это письмо, но я с Вами не согласен и со скорбью должен отдалиться от Вас, потому что считаю такое убеждение не только совершенно ложным, но и крайне вредным» [Там же, с. 401]. Он также просит переслать письмо Герцену не для публикации, а для поддержки.

Вообще, именно тема «Кому выгодно?» более всего муссировалась в России в первые полгода. Считалось, что даже если сказанное Чичериным и правда, то все же он нанес общему делу больше вреда, чем пользы. Александр Васильевич Никитенко писал, что письмо Чичерина «отчасти справедливо, и Герцен вредит этим своему влиянию на общество и на правительство. Но возражение, ему сделанное, кажется, еще вреднее. Оно как бы оправдывает крутые меры и вызывает их» [Никитенко, 1955, с. 54].

Обычно об этом эпизоде в отношениях Кавелина и Чичерина говорят как о разрыве. Нет, разрыв произошел через два года и по поводу оценки студенческих беспорядков.

В ответ Чичерин послал Кавелину письмо, где пишет, что он желал выразить протест либерализма против легкомыслия, а еще он говорит об успехе: «Я не ожидал такого успеха. Успехом я считаю, как возбужденные прения, которые ведут к выяснению мысли, к обозначению направлений, так и то, что письмо было принято за желание либеральной партии разделаться с революционными стремлениями» [Чичерин, 2010, с. 402].

Чичерин ссылается на Каченовского как человека, который очень хорошо знает Герцена и который горячо одобрил его письмо. Есть в ответе Чичерина и еще одно суждение, которое выглядит слишком категорично: что общественная сфера в России хуже официальной, поэтому он к общественному мнению равнодушен. Понятно, что Чичерин задет, очень задет, понятно, что это тоже своего рода поза обиженного или непонятого человека.

Каков итог?

Разумеется, в этой полемике очень много личного, много «психологии». Если попытаться понять, что же на самом деле произошло с чисто человеческой точки зрения, то описанная выше картина политических баталий будет

выглядеть несколько иначе и станет чуть более понятной. Мы не абстрагировались от этого. История возможна только тогда, когда в ней действуют живые люди, когда она развивается посредством реальных человеческих драм. Одну из них мы пытались разобрать в этой статье.

Каков же итог полемики Чичерина и Герцена? Можно ли определенно сказать, кто победил? Или победителя нет? Да и может ли он быть в таких спорах?

Влияние Герцена по мере продвижения реформ стало резко падать. Его отношения с бывшими друзьями и единомышленниками не просто испортились, но превратились в откровенную вражду, во всяком случае со стороны Герцена. Он рассорился со всеми без исключения своими друзьями. Даже Кавелина, который его почитал как самого порядочного и мужественного человека, резко оскорбил и разорвал с ним отношения, когда тот сказал что-то в пользу монархии. О всех бывших друзьях он писал очень резкие и совершенно неподобающие вещи.

«Помнишь ли ты, как года три тому назад мы с тобой шли по Regentstr(eet) и ты удивился моему злобному тону о бывших друзьях? Теперь и его нет. Для меня Кетчер, Корш — это догнивающие трупы чего-то близкого; клеветы Чичерина, приятели Павлова — абсолютисты, они заставляют меня краснеть за былое» [Герцен, 1963, с. 246].

Герцен часто говорит о «клеветрах Чичерина». Если все, кто был за Герцена, стали прислужниками Чичерина, то, может, это косвенное признание победы Чичерина? Может, рациональная «программа» Чичерина, основанная на идеях административной эволюции посредством максимально широкого сотрудничества общества и власти при сохраняющейся сильной и стабильной власти, победила? Ничуть!

Все попытки Чичерина взаимодействовать с властью как независимый человек, самой властью понимались превратно: в протянутой ей руке она видела руку просящего. Поддержал требования порядка во время студенческих беспорядков — получи кафедру. Чичерин был глубоко оскорблен предложением Горчакова занять освободившуюся кафедру в университете после отставки Кавелина, а Горчаков так и не понял, чем был недоволен Чичерин.

Вся жизнь Чичерина и в университете, и на общественных должностях показывает, что власть не хочет, а главное — в принципе не понимает, что такое сотрудничество, а уж тем более сотрудничество с независимой общественностью. Власть знает и понимает только подчинение. Поэтому говорить о победе «программы» Чичерина по сотрудничеству независимых сил общества с властью не приходится, скорее наоборот. Именно по этому вопросу в его мемуарах и в работах последних лет столько горечи.

Как ни парадоксально это звучит, но «программа» Герцена, в основе которой лежит не сотрудничество, а постоянное давление на власть, вплоть до радикального, продолжила свое существование и даже действительно обрела революционные формы.

Если не было победителей, то что было? Возможно, выкристаллизовалась, уточнилась, обросла новыми аргументами антиномия русской политической культуры: сотрудничество с властью или давление на власть? Эти две линии действительно сохранялись в России в следующие полвека, а возможно, вообще стали постоянным элементом нашей культуры.

Список источников

[Герцен А. И.] «Неизвестный корреспондент...» // Колокол. 1858. 15 декабря. Л. 30–31. С. 253–254.

Герцен А. И. Былое и думы. 1852–1868. Ч. IV // Герцен А. И. Собрание сочинений в тридцати томах. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 9. С. 7–262.

Герцен А. И. Письмо Б. Н. Чичерину (черновое) от 15(3) ноября 1858 г. // Герцен А. И. Собрание сочинений в тридцати томах. М.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 26. С. 222.

Герцен А. И. Письмо Н. М. Сатину от 11 июля (29 июня) 1862 г. // Герцен А. И. Собрание сочинений в тридцати томах. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 27, кн. 1. С. 246.

Гульбинский И. Борис Николаевич Чичерин. Биобиблиографический очерк. Отдельный оттиск из журнала «Библиографические Известия». М.: Тип. т-ва Рябушинских, 1914. 26 с.

И-р [Герцен А. И.] Нас упрекают // Колокол. 1858. 1 ноября. Л. 27. С. 219–220.

И-р [Герцен А. И.] Обвинительный акт // Колокол. 1858. 1 декабря. Л. 29. С. 236.

Кавелин К. Д., Чичерин Б. Н. Письмо к издателю // Голоса из России. Лондон: Вольная русская книгопечатня, 1856. Ч. I. С. 9–36.

Клеветский М. Герцен-издатель и его сотрудники // Литературное наследство. № 41–42. М.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 572–620.

Милюков П. Н. Юридическая школа в русской историографии (Соловьев, Кавелин, Чичерин, Сергеевич) // Русская мысль. 1886. Кн. VI. С. 80–92.

Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 2: 1858–1865. 663 с.

Огарева-Тучкова Н. А. Воспоминания. 1848–1870. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1903. 331 с.

Опоздавшие письма из Петербурга // Колокол. 1858. 15 сентября. Л. 23–24. С. 186–190.

Русской [Панаев В. А.] Автору «Обвинительного акта» г. Ч. // Колокол. 1859. 1 января. Л. 32–33. С. 260–264.

Панаев В. А. Воспоминания // Русская старина. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1902. Т. 110, кн. V. С. 317–329.

Семенов-Тянь-Шанский П. П. Мемуары: в 5 т. Петроград: Издание семьи, 1916. Т. IV: Эпоха освобождения крестьян в России (1857–1861). VIII, 676 с.

Спартанской А. Письмо в защиту г. Ч. // Колокол. 1859. 1 января. Л. 32–33. С. 264–265.

Ч. [Чичерин Б. Н.] «Милостивый государь...» // Колокол. 1858. 1 ноября. Л. 29. С. 236–239.

Чичерин Б. Н. Воспоминания: в 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2010. Т. 1. 496 с.

Чичерин Б. Н. Несколько современных вопросов. М.: Изд. К. Солдатенкова, 1862. 254 с.

References

[Gertsen, A. I.] (1858) “Neizvestnyi korrespondent...” [“Unknown Correspondent...”], *Kolokol [The Bell]*, (30–31), 15 December, pp. 253–254.

Gertsen, A. I. (1956) “Byloe i dumy. 1852–1868. Ch. IV” [“Past and Thoughts. 1852–1868. Part IV”], in Gertsen, A. I. *Sobranie sochinenii: v tridtsati tomakh. Tom 9 [Collected Works: 30 vols. Vol. 9]*. Moscow: AN SSSR Publ., pp. 7–262.

Gertsen, A. I. (1962) “Pis'mo B. N. Chicherinu (chernovoe) ot 15(3) noyabrya 1858 goda” [“Letter to B. N. Chicherin (draft) of November 15(3), 1858”], in Gertsen, A. I. *Sobranie sochinenii v tridtsati tomakh. Tom 26 [Collected Works: 30 vols. Vol. 26]*. Moscow: AN SSSR Publ., p. 222.

Gertsen, A. I. (1963) “Pis'mo N. M. Satinu ot 11 iyulya (29 iyunya) 1862 goda” [“Letter to N. M. Satin dated July 11 (June 29), 1862”], in Gertsen, A. I. *Sobranie sochinenii v tridtsati tomakh. Tom 27, kniga 1 [Collected Works: 30 vols. Vol. 27, Book 1]*. Moscow: AN SSSR Publ., p. 246.

Gul'binskii, I. (1914) *Boris Nikolaevich Chicherin. Biobibliograficheskii ocherk [Boris Nikolaevich Chicherin. Biobibliographic Essay]*. Moscow: Tip. T-va Ryabushinskikh.

I-r [Gertsen, A. I.] (1858) “Nas uprekayut” [“We are Reproached”], *Kolokol [The Bell]*, (27), 1 November, pp. 219–220.

I-r [Gertsen, A. I.] (1858) “Obvinitel'nyi akt” [“Indictment”], *Kolokol [The Bell]*, (29), 1 December, p. 236.

Kavelin, K. D. and Chicherin, B. N. (1856) “Pis'mo k izdatelyu” [“Letter to the Publisher”], *Golosa iz Rossii. Ch. I [Voices from Russia. Part I]*. London: Vol'naya russkaya knigopechatnya, pp. 9–36.

Klevenskii, M. (1941) “Gertsen-izdatel' i ego sotrudniki” [“Herzen the Publisher and his Staff”], in *Literaturnoe nasledstvo. № 41–42 [Literary Legacy. No. 41–42]*. Moscow: AN SSSR Publ., pp. 572–620.

Milyukov, P. N. (1886) “Yuridicheskaya shkola v russkoi istoriografii (Solov'ev, Kavelin, Chicherin, Sergeevich)” [“Law School in Russian Historiography (Soloviev, Kavelin, Chicherin, Sergeevich)”], *Russkaya mys'* [Russian Thought], (6), pp. 80–92.

Nikitenko, A. V. (1955) *Dnevnik: v 3 tomakh. Tom 2: 1858–1865* [Diary: 3 vols. Vol. 2: 1858–1865]. Moscow: Goslitizdat.

Ogareva-Tuchkova, N. A. (1903) *Vospominaniya. 1848–1870* [Memories. 1848–1870]. Moscow: Izd. M. i S. Sabashnikovykh.

“Opozdavshie pis'ma iz Peterburga” [“Late Letters from Petersburg”] (1858) *Kolokol* [The Bell], (23–24), 15 September, pp. 186–190.

Russkoi [Panaev, V. A.] (1859) “Avtoru ‘Obvinitel'nogo akta’ g. Ch.” [“To the Author of the ‘Indictment’ Mr. Ch.”], *Kolokol* [The Bell], (32–33), 1 January, pp. 260–264.

Panaev, V. A. (1902) “Vospominaniya” [“Memories”], in *Russkaya starina. Tom 110, kniga 5* [Russian Antiquity. Vol. 110, Book 5]. St. Petersburg: Tip. t-va “Obshchestvennaya pol'za”, pp. 317–329.

Semenov-Tyan-Shanskii, P. P. (1916) *Memuary: v 5 tomakh. Tom IV: Epokha osvobozhdeniya krest'yan v Rossii (1857–1861)* [Memoirs: 5 vols. Vol. IV: The Era of the Liberation of the Peasants in Russia (1857–1861)]. Petrograd: Izdanie sem'i.

Spartanskoi, A. (1859) “Pis'mo v zashchitu g. Ch.” [“Letter in Defense of Mr. Ch.”], *Kolokol* [The Bell], (32–33), 1 January, pp. 264–265.

Ch. [Chicherin, B. N.] (1858) “Milostivyi gosudar'...” [“Dear sir...”], *Kolokol* [The Bell], (29), 1 November, pp. 236–239.

Chicherin, B. N. (2010) *Vospominaniya: v 2 tomakh. Tom 1* [Memories: 2 vols. Vol. 1]. Moscow: Izd. im. Sabashnikovykh.

Chicherin, B. N. (1862) *Neskol'ko sovremennykh voprosov* [Several Contemporary Issues]. Moscow: Izd. K. Soldatenkova.

Информация об авторе: Сергей Львович Чижков — кандидат политических наук, старший научный сотрудник сектора философии российской истории Института философии Российской академии наук. Адрес: Российская Федерация, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Information about the author: Sergei L. Chizhkov — PhD in Political Science, Senior Research Fellow of the Department of the Philosophy of Russian History at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Address: 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests

Статья поступила в редакцию 10.02.2023;
одобрена после рецензирования 01.03.2023;
принята к публикации 10.03.2023.

The article was submitted 10.02.2023;
approved after reviewing 01.03.2023;
accepted for publication 10.03.2023.